

RU

Поэтика Эмиля Чёрана: от вопля к молчанию

Гранин Р. С.

Аннотация. Статья посвящена анализу внутренней динамики поэтики Эмиля Чёрана, трактуемой как напряжённый путь от экспрессивного крика к аскетическому молчанию. Цель исследования заключается в реконструкции логики этого движения и выявлении того, как стилистические стратегии становятся средством демонстрации фундаментальной антиномии между невозможностью высказывания и нежеланием окончательно замолчать. Научная новизна работы состоит в системном рассмотрении крика не только как темы, но и как структурного принципа «письма-крика», организующего синтаксис, ритм и пунктуацию текстов Чёрана, а также в детальном сопоставлении его эволюции с архетипом библейского Иова. Полученные результаты показали, что траектория от ранних, экстатических румынских текстов к поздней, «нейтральной» манере письма есть последовательное истощение и интериоризация речи. Крик, реализуемый через обрывистый синтаксис и экспрессивную пунктуацию, маркирует саморазрушение языка; молчание же предстает не пассивным отсутствием слова, а активным, аскетическим идеалом и высшей формой свидетельства, следующей за исчерпанием вербальных возможностей. Таким образом, исследование раскрывает поэтику Чёрана как уникальную лабораторию стиля, где письмо становится аскетической практикой, балансирующей на грани неспособности высказывания и невозможности умолкнуть, а его творческий путь – как радикальный опыт деконструкции авторского «я» через язык.

EN

The poetics of Emil Cioran: from scream to silence

R. S. Granin

Abstract. This article analyzes the internal dynamics of Emil Cioran's poetics, interpreted as a tense journey from an expressive cry to ascetic silence. The aim of the study is to reconstruct the logic of this movement and identify how stylistic strategies become a means of demonstrating the fundamental antinomy between the impossibility of utterance and the unwillingness to completely fall silent. The scientific novelty of the work lies in its systematic examination of the cry not only as a theme, but also as a structural principle of "cry-writing", organizing the syntax, rhythm, and punctuation of Cioran's texts, as well as in a detailed comparison of its evolution with the archetype of the biblical Job. The results obtained showed that the trajectory from early, ecstatic Romanian texts to a later, "neutral" manner of writing is a consistent exhaustion and interiorization of speech. The cry, realized through abrupt syntax and expressive punctuation, marks the self-destruction of language; silence, however, is presented not as a passive absence of speech, but as an active, ascetic ideal and the highest form of testimony, following the exhaustion of verbal possibilities. Thus, the study reveals Cioran's poetics as a unique laboratory of style, where writing becomes an ascetic practice, balancing on the brink of the inability to speak and the impossibility of remaining silent, and his creative path as a radical experiment in the deconstruction of the authorial self through language.

Введение

Актуальность исследования обусловлена необходимостью углублённого изучения поэтики «частного мыслителя» Эмиля Чёрана как уникального случая, где экзистенциальный кризис и недоверие к языку становятся главными двигателями стиля. В современном литературоведении возрастает интерес к непрямым, маргинальным формам философского выражения, к письму как аскетической практике, что делает анализ чёрановской траектории от крика к молчанию востребованным для понимания границ литературно-философского дискурса.

Задачи исследования – проанализировать функциональность крика в текстах Чёрана: как предела речи, стилистического приёма и формы экзистенциального протеста. Проследить эволюцию его стиля от афористической фрагментарности к стремлению к «нейтральному письму», выявив её связь с движением к молчанию.

Определить роль архетипа страдающего Иова в формировании модели выражения, соединяющей крик протеста и смирение. Интерпретировать молчание в поэтике Чёрана как активную позицию и итог аскетической работы по обеднению речи.

Методологическую основу составляет синтез герменевтического подхода, нацеленного на понимание текста как целостности экзистенциального опыта и формы, и инструментария стилистики, позволяющего выявить, как синтаксические конструкции, ритмические повторы и работа с пунктуацией моделируют эффект непосредственного голосового высказывания («крика»). Сравнительный анализ с фигурой Иова осуществляется с опорой на историко-литературный метод, что позволяет выявить универсальные и уникальные черты чёрановского преодоления кризиса языка. Исследование также использует элементы нарратологии для анализа децентрации авторского «я» в процессе движения к «нейтральному письму».

Материалы исследования составили философские эссе, афоризмы и дневниковые записи Эмиля Чёрана на французском и румынском языках.

Теоретическая база исследования опирается на работы, рассматривающие специфику маргинального философского письма и фрагмента как формы (Neuvel, 1985; Marc, 2000), теорию «частной мысли» (Chatelet, 2020), а также на философско-антропологические труды о связи тела, жеста и выражения (Мерло-Понти, 1999). Важное значение имеют историко-литературные исследования, посвящённые рецепции библейской Книги Иова в европейской культуре.

Проблема исследования заключается в необходимости системного анализа диалектики крика и молчания как смыслового и структурного ядра поэтики Эмиля Чёрана. Конкретизируется она через вопросы: каким образом внеязыковой жест крика инкорпорируется в ткань письма, становясь его организующим принципом? Как эволюционирует стиль Чёрана от экстатического высказывания в ранних румынских текстах к сдержанному письму, стремящемуся к самоумалению, во французский период? Какую роль в этой эволюции играет архетип Иова, соединяющий протест и смирение?

Результаты данного исследования могут быть использованы в следующих практических сферах гуманитарного образования и научной деятельности в учебном процессе высшей школы. Материалы и выводы работы применимы при чтении лекций и проведении семинаров в рамках курсов по истории зарубежной литературы XX века (в особенности при изучении модернистской и послевоенной европейской эссеистики); теории литературы (при рассмотрении тем «Поэтика фрагментарного письма», «Стиль и экзистенциальный опыт», «Категории авторского “я” и “нейтрального письма”», «Невербальные элементы в структуре текста: крик, молчание, пауза»); философии литературы и литературной антропологии (для анализа взаимодействия философской мысли и литературной формы, феномена «частного мыслителя»); сравнительного литературоведения и интертекстуальности (при изучении рецепции библейских архетипов, в частности Книги Иова, в современной литературе); в научно-методической работе полученные данные и разработанная методология анализа (синтез герменевтики, стилистики и нарратологии) могут послужить основой для создания учебных пособий и хрестоматий по литературе экзистенциального направления, поэтике модернизма; разработки спецкурсов и элективных дисциплин, посвященных творчеству Эмиля Чёрана, философскому эссе XX века или феномену «письма-крика» в европейской традиции; подготовки методических рекомендаций по анализу экспрессивных и аскетических стилей в художественном и философском тексте; в переводческой и текстологической практике выявленные закономерности эволюции стиля Чёрана (от экспрессии к «нейтральности»), анализ роли синтаксиса и пунктуации как носителей смысла могут быть полезны переводчикам его произведений для адекватной передачи на другой язык не только семантики, но и стилистической «фактуры», ритма и паузы; текстологам и комментаторам при подготовке научных изданий произведений Чёрана и аналогичных авторов. В междисциплинарных исследованиях результаты работы могут найти применение в исследованиях на стыке литературоведения, философии и культурологии, посвященных проблеме выражения невыразимого и кризиса языка в культуре XX-XXI веков; изучению маргинальных и афористических форм философствования; анализу телесных метафор и жеста в дискурсе (крик как физиологический и семиотический феномен). Таким образом, исследование вносит вклад не только в узкоспециальное чёрановедение, но и предлагает инструментальный для анализа широкого круга текстов, где форма становится прямым выражением экзистенциального содержания, что актуально для современного литературного и философского образования.

Обсуждение и результаты

Оговоримся, что мы пишем фамилию Cioran как Чёра́н через безударную «ё», чтобы подчеркнуть ее славянскую этимологию – происхождение от корня [чёр]ный. Так, по мнению специалиста по румынской генеалогии Михая Рэдулеску (Rădulescu, 2018, с. 129-134), слово «cior-» может быть заимствованием от славянского «čorn-» – «чёрный» через староболгарский или южнославянские диалекты и может восходить к старославянскому «čern- / čorn-», к праславянской форме слова «чёрный» – «сьгпъ»; болг. – черен, серб. – црн, рус. – чёрный. Ё в безударной позиции вполне допустима в ряде случаев: например, фамилии его земляков с Балкан – сербо-венгерского поэта Шандора Пётёфи (венг. Petőfi Sándor [ˈpetøːfi ˈʃaːndor]; 1823-1849) и венгерского математика Пала Эрдёша (венг. Pál Erdős; 1913-1996) – передаются через безударную «ё», как и фамилия японского императора Ёсихито (Гранин, 2024, с. 7-9; 2025, с. 27-35). Фигура Эмиля Чёрана, «частного мыслителя» («Я – не более, чем частный мыслитель» (Cioran, 2001, р. 5)), воплощает крайнюю степень скепсиса по отношению к возможностям языка

и разума. Его творчество представляет собой уникальную лабораторию стиля, где письмо становится полем борьбы между императивом выразить экзистенциальную боль и глубинным недоверием к слову. Это напряжение манифестируется в двух предельных модусах выражения – крике и молчании, которые образуют полюса его поэтики. Крик выступает как симптом невыразимого страдания, взламывающего речевые структуры, в то время как молчание предстаёт желанным, но недостижимым идеалом чистого бытия.

Вопль (крик). Вопрос стиля ярко отражает внутреннее напряжение, характерное для большинства «частных мыслителей», – между необходимостью выразить своё «я» и недоверием к самому себе. Возникает практика письма, натянутого между желанием молчания и отчаянным стремлением выразить мучительный крик жизни. Стиль становится способом показать эту напряжённость между криком и тишиной. Крик не всегда присутствует в текстах таких мыслителей, хотя влияние образа Иова – страдающего и отчаивающегося – ощущается постоянно. К примеру, Перрос (друг Чёрана по переписке), пишущий гораздо спокойнее, чем Чёран, утверждал: «Писать – самое малопессимистичное из действий» (Цит. по: Chatelet, 2020, p. 311), – и в письме Чёрану говорил о своём «смягченном аде» (Chatelet, 2020, p. 311). В отличие от Чёрана – метафизического изгнанника на земле – Перрос нашёл своё место в Бретани, поэтому его стиль менее мучителен. Впрочем, он тоже признаёт напряжённость между словом и молчанием, как видно из его словаря, где под словом «язык» стоит примечание: «Лучшее, что придумано для почитания молчания» (Chatelet, 2020, p. 311). Но для Перро письмо не становится местом бунта.

В письмах Чёрана напряжение между криком и тишиной особенно остро, потому что его практика письма движется постоянными колебаниями между утверждением «я» и отрицанием себя – до полного истощения. Его стиль начинается с яркой индивидуации, затем «я» разрушается во фрагментах, и в итоге стиль становится объектом недоверия, усталости, равнодушия. Слово, которое стиль призван был выражать, постепенно иссыкает, оставляя лишь тонкий и сдержанный остаток. Крик – резкий всплеск письма – принимает разные оттенки у Чёрана: отчаяние, связанное с невозможностью связи между собой и Абсолютом; лиризм юношеских произведений, где «я» борется с самим собой; страх и тревогу перед жизнью, которая одновременно пугает и привлекает.

Крик – парадоксальный момент письма: он выражает то, что нельзя передать словами, но именно с помощью письма Чёран пытается его передать. Письмо появляется как способ предотвратить кризис – снять излишнюю боль, грозящую стать невыразимой. Крик – это момент, когда письмо балансирует на грани бессмысленности. Как объясняет Пьер ван ден Хьювел: «Крик – это предел, где речь уже не может идти дальше, это отказ от языка и его клише, разрушение символики слов и возврат к первичной, неструктурированной, иррациональной речи» (Heuvel, 1985, p. 59).

Для писателя это опыт, часто вызывающий головокружение и даже страх, потому что это опыт ухода от смысла в чистое ощущение. Письмо оказывается на переломе – перед окончательным срывом, – сохраняя при этом напряжённость между криком и словом. Чёран в интервью 1973 года сказал: «Я пишу из внутренней нищеты... из нужды, чтобы не кричать, не вопить» (Cioran..., 2013). Письмо должно подавлять крик ещё до того, как он вспыхнет и всё охватит. Но иногда крик вырывается наружу, проявляясь как сильный всплеск. Он может быть отчаянным, когда речь идёт о невозможности общения с Абсолютом, лиричным в юности, но и тревожным от страха перед жизнью.

Между выражением внутреннего волнения и требованиями формы, которая стремится это сдержать, мыслитель оказывается в сложной и противоречивой ситуации. Крик сталкивается с формой, ставит её под сомнение. Можно было бы подумать, что одна из сторон должна уступить. Но у частного мыслителя оба эти начала поддерживаются, чтобы сохранить письмо. Если одно из них возьмёт верх – наступит тишина. И тишина – даже больше, чем крик – остаётся идеалом, вызывающим одновременно и страх, и стремление. Практика письма целиком посвящена выражению этого потока между криком и тишиной, что проявляется в фрагментарной структуре.

Крик отражает двойственность страдания: он и ругань, и молитва без слов, взрыв и молчание – так говорит Чёран. У него есть три состояния голоса – тишина, речь и крик, – и важнейшее ощущение истины он находит именно в тишине или взрыве, но никогда в самой речи (Cioran, 1997, p. 955). Для Чёрана главное – восприятие, а не выражение словами. Крик – это звук переживания, близкий к выражению, но всё же остающийся невыразимым. С точки зрения Мерло-Понти (1999, с. 27), важно различать «чувствовать» и «знать»: чувствовать – это непосредственное общение с миром, а знание – надстройка интеллекта. Для Чёрана речь – это надстройка, а крик и тишина – проявления инстинкта, пусть и проблематичного, но желанного и считающегося более истинным восприятием мира.

Многие французские произведения Чёрана написаны с большим стилистическим тщанием и стремлением к мастерству, так что в них доминируют афоризмы и пессимистичные фрагменты, где крику места мало. Его крайняя боль в дневниках часто сглаживается иронией в публикуемых книгах. Но всё же крик появляется время от времени – в стогах и отчаянии. Иногда Чёран восклицает: «Нервное напряжение, граничащее с эпилепсией. Хочется кричать. Все конечности болят. Я сдерживаю себя, чтобы не разорваться на части. Ты вообще никто, но ты можешь стать кем-то через то, что чувствуешь. Я недостоин своих чувств» (Чёран, 2025, т. II, с. 157). Этот крик отражает его чувство бессилия перед выбранной формой фрагмента. Хотя желание фрагментации и пронизывает его творчество, Чёран страдает от неспособности выразить свои ощущения словами, что приводит его к отчаянию: «Если бы я только мог выразить то, что чувствую! Но я не могу жить в соответствии со своими ощущениями. Быть, за неимением слов, ниже себя, не находить слов для обозначения того, кем ты являешься, быть привязанным к тому, что ты чувствуешь или испытываешь, постоянно жить за пределами

своей собственной реальности...» (Чёран, 2025, т. I, с. 49). Эта фраза переворачивает обычные представления о разуме и чувстве: сознание оказывается «ниже», а чувства – истинным «я». Крик, хоть и не назван явно, здесь – проявление инстинктивного выражения ощущения. Однако он кажется невозможным к воплощению, он «заморожен» и «подавлен». Таким образом, Чёран признаёт крик как модель выражения, но ставит под сомнение его достижимость. Тем не менее, структура его письма сама по себе напоминает «крик на бумаге» (Chatelet, 2020, p. 316).

Между желанием разоблачить фальшь языка и страхом перед обнажённостью, которая неизбежно следует за таким разоблачением, частный мыслитель оказывается лицом к лицу с расчленённым словом – своего рода радикальной фрагментацией языка. Однако крайняя форма последнего не позволяет ему укорениться в ней и, напротив, побуждает к возвращению к более выверенному, более сконструированному письму. Так, Чёран, движимый отношением к миру, вечно колеблющимся между двумя крайностями, осмысляет практику «письма-крика» как сквозь тематические аллюзии, так и через литературные приёмы – как стилистические, так и метафорические. По многим аспектам Чёран сближается с «письмом-криком» в том виде, в каком его определяет Ален Марк (фр. Alain Marc) (2000, p. 106) в книге «Писать крик: Сад, Батай, Маяковский» (фр. “L’Écriture du cri: Sade, Bataille, Maïakovski”), – как выражение страдания, его освобождение, дело силы и разрыва, крушение речи. Также он отмечает, что у некоторых авторов крик остаётся в инфрапоэтическом состоянии и не покидает невыразимого (Marc, 2000, p. 131).

У Чёрана же крик проявляется ещё и как сама форма выражения – почти вопль в письме. Сила страдания у него выражается в прерывистой, обрывочной манере письма, которая словно отражает физиологический разрыв и физическую боль, например, в строках:

«Я не могу опуститься дальше в свое небытие, я не могу выйти за пределы своего распада.

Ночь течет по моим венам.

Кто меня разбудит, кто меня разбудит?» (Чёран, 2025, т. I, с. 53).

Здесь связь между ночью и тревогой пробуждения от кошмара очень тесная. Интересен парадокс – Чёран страдал бессонницей, так что «пробуждение» скорее метафизическое, экзистенциальное, а ночь – это не просто время суток, а символ глубокого, угрожающего мрака. Крик выполняет функцию выплеска, позволяя выразить страдание, которое нельзя объяснить напрямую, кроме как через трудные для понимания метафоры. Крик у Чёрана – это и проявление силы в борьбе, совпадающее с озарением, эпифанией (вторжением божественного). Это оружие в войне против судьбы, как у героя из «Записок из подполья» Достоевского, сражающегося с очевидностями. Через крик письмо становится инструментом, позволяющим проклясть существование: «Худа та книга, которую невозможно читать, каждую минуту не задаваясь вопросом, кто ее автор» (Чоран, 2002, с. 244). Или в строках, отзывающихся книгой Иова: «Да будет проклята во веки веков звезда, под которой я родился, да не захочет ее удержать при себе никакое небо, да рассыплется она в мировых пространствах с позором, словно пыль! И да будет навсегда вычеркнуто из списков времени то предательское мгновение, которое вбросило меня в толпу живых существ!» (Сиоран, 2003, с. 142). Несмотря на жёсткость и мощь этих слов, в них чувствуется отстранённость от времени и отчаяние.

Если эти крики – атака, проявление силы, то в «Дневниках» (Siogan, 1997; в нашем переводе «Чёрный дневник», в 4-х томах) Чёрана слышны и вопли отчаяния, и стенания. «Дневники» – его личное пространство, где много обрывков, выражающих интимную боль, отчаяние или гнев. В опубликованных при жизни текстах этого нет. Там повторения и ритмика становятся голосом крика: «Я не могу больше, я больше не могу!» (Чёран, 2025, т. I, с. 226), – или в более упорядоченных формах: «Сегодня днём, после того как я отвёз С. на вокзал, кризис депрессии, граничащий с самоубийством. Пусто, пусто, пусто! Ничего ни во мне, ни вокруг меня. В такие моменты вы попадаете по прямой в психушку» (Чёран, 2025, т. I, с. 243). Повторы («разбудит», «пустота») и многократное повторение фразы («я больше не могу») создают ощущение неструктурированного крика, который просто выражает страдание без стремления логически излагать мысль или убеждать.

Крик – это выражение, свободное от логики и аргументов. Повторение приобретает форму литания – «Страдать, страдать, страдать» (Чёран, 2025, т. II, с. 51), – превращая крик в плач, стенание. Крик, как кульминация кризиса, остаётся на периферии письма. Это момент сильного страдания в произведении, которое не может состоять из непрерывного крика – поэтому он появляется редко и часто заканчивается бессильным стенанием. Эта форма встречается на первых страницах «О разложении основ» (Сиоран, 2003), а также в книге «О злополучии появления на свет» (Сиоран, 2008b), составленной из записей из «Дневников», но редко в остальном творчестве.

Другие частные мыслители тоже используют повторения, чтобы выразить усталость, гнев или раздражение. Например, у Перроса встречаются записи: «Я отказываюсь. Я отказываюсь. Я отказываюсь. Остаётся человек. И всё, от чего я отказался при свете, появляется теперь как озарение. Но я ничего не знал о такой награде» (Цит. по: Chatelet, 2020, p. 318). Здесь сначала звучит редкая у Перроса агрессия, затем ирония, потом возвышение через озарение и в конце – снова снижение из-за незнания. Это создаёт цикл восприятия мира, где чувства обесцениваются и трудно их понять. То, что такая манера есть и у Чёрана, указывает на общий стилистический приём повторения. Также в крике участвует пунктуация: восклицательные знаки подчеркивают возглас, а множественные точки и запятые создают ритм и разрывы, подчеркивая фрагментарность мысли. Точки с запятой, тире и многоточия добавляют паузы, иногда неполноту, приближая к стенанию усталость от крика. Поскольку крик не всегда удаётся выразить полностью, письмо становится стигмой того, что невозможно сказать словами. Чёран часто использует многоточия, чтобы показать пределы языка, намекнуть на трагическое, которое слова сделают смешным. Например: «После бессонной ночи прохожие кажутся

автоматами. Не верится, что они могут дышать, ходить...» (Сиоран, 2008b, с. 207), – трагическое напряжение бессонницы остаётся недосказанным, как будто оно вошло в область невыразимого. Многоточия также могут указывать на иронию, подчёркивать высокомерие человека, который не хочет видеть себя смертным, но в то же время устал от жизни. Иногда многоточия стоят в начале или середине фразы, разрывая её, например: «Не желаю больше быть человеком..., мечтаю о какой-нибудь другой форме вырождения» (в русском переводе многоточие опущено) (Сиоран, 2008b, с. 320). Эти разрывы не обязательны с точки зрения грамматики, их смысл в том, что они предполагают. Пунктуация организует текст в пространстве и времени, создаёт постановку письма с его метаниями. Она добавляет напряжение, показывая тупики языка и трагичность бытия, которую мог бы выразить крик, но которую письмо не способно полностью передать. Интересно, что, несмотря на продуманный пунктуационный стиль, Чёран мало говорит о своей практике пунктуации. Он упоминает: «Я мечтаю о таком мире, где люди были бы согласны умереть ради одной-единственной запятой» (Сиоран, 2008a, с. 27), – но о своей пунктуации почти не рассуждает, хотя часто размышляет о стиле вообще. Вероятно, с 1970-х годов, когда он стремился к «нейтральному письму» и исчезновению «я» в тексте, он сознательно отходил от заметного стилистического почерка, воспринимая это как утрату стиля (Chatelet, 2020, p. 320).

Иов – классический литературный образ трагического крика. Его бунт против божественной несправедливости и крики отчаяния в поисках ответа от Бога стали моделью для выражения трагедии человеческого существования, где праведник оказывается в глубоком одиночестве и страданиях. Чёран активно обращается к фигуре Иова, видя в нём и образ отношения к миру, и эталон стиля – он восхищается его сдержанностью и силой выражения: «Счастлив Иов, которому не надо было комментировать собственные стенания!» (Сиоран, 2008b, с. 263). Это отражает его стремление к мощному, но лаконичному стилю.

Крик в письмах Чёрана – это крайняя форма языка, последняя попытка общения с бытием. Это не постоянное состояние, а резкий всплеск боли – крик возникает внезапно и вскоре утихает. В его творчестве крик показывает внутренний разлад автора, который как писатель не находит слов, нарушает привычные средства выражения. Крик – это форма самоуничтожения и очищения, способ размышления о границах языка.

Иов символизирует крик как освобождение от внутренней боли, что стало широко востребованным в литературе, особенно в романтической и символистской поэзии. В XX веке литературные интерпретации крика сосредоточились на одиночестве человека в мире, где язык бессилён. Этот крик бессилия – крик вне языка – корнями уходит в сам смысл слова «крик» (от латинского clamor – громкий возглас, выражающий сильное чувство, и *quiritare* – призыв о помощи) (Chatelet, 2020, p. 321).

Молчание (тишина). Хотя у Чёрана иногда крик обращён к общему, коллективному, в основном он подчёркивает одиночество человека. Но ему не хватает принадлежности к сообществу, чего среди людей нет. Здесь показателен следующий пример из «Злополучия появления на свет»: «Видел передачу про волков и слышал многочисленные примеры волчьего воя. Что за язык! Что за душераздирающие звуки! Я уже никогда их не забуду, и в будущем, если придется испытать слишком горькое одиночество, мне достаточно будет вызывать их в памяти, чтобы немедленно почувствовать свою принадлежность к общине» (Сиоран, 2008b, с. 346). Чувство оторванности от человеческой общности превращает чёрановский зов о помощи скорее в молитву к Абсолюту, но и молитва у него чаще невозможна, так как обращается против самой себя: «Мне бы хотелось, чтобы слова молитвы разили, как кинжал» (Сиоран, 2008b, с. 228). Это подчёркивает безысходность коммуникации: «Кричать, кому? Это была единственная и неповторимая проблема всей моей жизни» (Чёран, 2025, т. I, с. 54). В отличие от Иова, который знал, кому кричать (Богу), у Чёрана нет такого адресата. В книге Иова крик – это прыжок в абсурд и одновременно бунт против страданий, способ показать отсутствие контроля над судьбой и отказ молчать. В атеистическом контексте этот мистический аспект становится ощущением абсурда – тишиной и ничто. Так крик превращается в тишину.

Чёран подчёркивает важность отрицания себя, ведь только через это человек может познать себя. Однако это знание подрывает разум и истощает речь, ведёт к молчанию. Это стремление к обеднению себя и к аскетизму в письме он связывает с Иовом, «которому не надо было комментировать собственные стенания!». В его произведениях «крик» принимает разные формы – вопль, рыдание, проклятие, – отражая разные оттенки боли, протеста и обвинения в несправедливости. Иов становится для Чёрана архетипом идеального выражения близкого к пережитому опыту. В юности Чёран часто обращается к нему, а позже Иов становится для него и покровителем: «Иов – мой покровитель» (Чёран, 2025, т. I, с. 26). Выбор Иова подчёркивает необходимость крика как утверждения страдающего существования без смысла. Но Чёран не может постоянно воплощать этот крик, потому что, в отличие от Иова, он не уверен в адресате – он провозглашает радикальное одиночество и отсутствие собеседника. Чёран говорит о своем крике, адресованном Богу, но одновременно выражающем насилие вне человеческих рамок. Крик уводит его за пределы человеческого языка, в область экстремальной боли и безысходности. Это отражает напряжение между языком и криком, между рациональной коммуникацией и выражением безысходных чувств, где ни один из этих способов не может полностью удовлетворить автора. Чёран следует традиции Бодлера, который видел невозможность выразить себя словами без противоречий. Речь становится отражением внутренней трагедии: голос есть, но он бессилён и не может замолчать. Чёран говорит о невозможности молчания – человеческая речь словно прирождена к говорению. Но это порождает трагедию: «Быть или не быть. ... Ни то, ни другое» (Чоран, 2004, с. 153). Эта двойственность часто появляется у Чёрана. В итоге у него возникает желание и к молчанию, и к выражению – писательское творчество становится циклом, где страдание порождает желание писать, а письмо требует страдания – замкнутый круг боли и облегчения.

Чёран, как и библейский Иов, задаётся вопросами о смысле существования и о том, почему он страдает. Он спрашивает: «Что за бог бушует против меня?» (Чёран, 2025, т. I, с. 162), – потому что его страдания кажутся ему несправедливыми и незаслуженными. Особенно это ощущается в его «Дневниках» (Cahiers), в которых он часто откровенно говорит о своих физических и нервных мучениях – болях, бессоннице, покалываниях и т. п. Там он также подчёркивает свою изоляцию от других людей: «Мне нечего сказать кому бы то ни было, я давно уже вступил в непередаваемое» (Чёран, 2025, т. II, с. 110). Он чувствует себя чужим среди людей, как будто говорит на другом языке – а точнее, уже не на каком-либо языке вообще. Когда Чёран называет себя «философом-крикуном» (Chatelet, 2020, p. 326), он хочет сказать, что стремится быть максимально близко к телесным ощущениям – к физической стороне страдания. Как отмечает Мишель Жаррети, Чёран всегда хотел писать так, чтобы через его слова можно было услышать язык тела, а не просто логически убедительные рассуждения. В «Дневниках» особенно заметно, что страдание выражается не только морально, но и физически, а при переработке текстов для публикации эта сторона боли смягчается.

Во французских произведениях Чёрана заметна эволюция темы истощения, и «Дневники», охватывающие около пятнадцати лет, показывают, что между желанием молчать и потребностью кричать постоянно происходит борьба. Крик и усталость становятся не просто темами, а своеобразными художественными приёмами, которые передают реальный жизненный опыт. Чёран всё более чутко воспринимает «крики» бытия – будь то животные вопли, взрывы чувств, внезапные порывы или голоса маргиналов – и включает их в свои тексты как разные формы существования, попытки удержаться в жизни. В «Книге Иова» разум и язык терпят двойное поражение – попытка бунта против неизбежного через иррациональное выражение ломает традиционные формы общения с Абсолютом. Чёран, хотя и атеист, чувствует необходимость в некоем собеседнике вне человечества: «Бог есть, даже если Его нет» (Сиоран, 2008b, с. 344). Этот парадокс – наличие и отсутствие Бога одновременно – отражает суть мышления Чёрана. В основе противоречий, между криком и молчанием, находится жизнь. Через взрыв, шок, мир порождает форму выражения, которую Чёран улавливает. Как Иов был единственным, кто понимал Бога, так и Чёран предстает как человек, способный услышать немое послание мира. В целом, Чёран занимает критическую позицию по отношению к обществу. Вся его жизнь и творчество наполнены высказываниями тех, кто исключён из общества, – больных из психбольниц, проституток, бомжей и других, с кем он общался. Эти голоса позволяют Чёрану выявить особое «примитивное незнание», лежащее в основе всего, что создаёт мир постоянно повторяющимся актом. Это парадоксальное знание не основано на разуме, а строится на случайном и временном. Оно выражает необычное мышление, способное видеть абсолют, ведь только «трещина в разуме» даёт доступ к потустороннему (Chatelet, 2020, p. 327).

Чёран особенно интересуется теми, для кого крик – главный способ выражения (сумасшедшими и больными). Через короткие формы текста он регулярно становится их голосом. Эти произведения – двойные маргиналии: они на периферии и общества, и литературы, показывают разрушенную форму мысли. Общение происходит на краю – краю письма, речи и общества. Крик – это возвращение к корням, свободное от логических и рациональных правил, вне мира. Нельзя знать, насколько долго человек будет пользоваться речью или постепенно вернётся к крику. Крик – это разрыв с логосом и насилие над разумом. Чёран напоминает человеку, что он всего лишь развитое животное, ближе к примату, чем к божественному. Крик возвращает нас к первичному знанию, к отчаянию, предшествующему всякому культурному знанию. Это момент абсолютной непосредственности, выхода за пределы символов. Связь между «использованием» и «криком» подчёркивает важность физиологического выражения, которое Чёран считает почти общественной необходимостью. Особая роль сумасшедших и больных в творчестве Чёрана связана с тем, что они говорят то, что никто не осмеливается, и используют крик как форму выражения, что показывает его важность для выражения сущности бытия. Крик здесь – ключевой момент в процессе написания, он становится своеобразным мотором: то возобновляя поток мысли, то прерывая его, крик становится мощным дискурсивным приёмом. Несмотря на провал языка, у Чёрана нет отчаяния: этот провал – воля к обновлению, возможность творить вне установленных рамок, что стимулирует творчество.

Образ Иова ставит под вопрос разум и речь в отношении к божественному. В итоге остаётся только крик и молчание, хотя и без Бога Иов чувствует необходимость собеседника вне человеческого мира, чтобы выразить свою парадоксальную избранность и экзистенциальное прочтение мира, где ночь, отчаяние, одиночество, скука и меланхолия становятся новой осью смыслов. Диалог с миром через Иова – прерывистый, выраженный криком, который возникает там, где его не ждут, и исчезает там, где казался возможным. В этом есть параллель с криком в Книге Иова, который начинается с очищения – Иов рвёт одежду, бреет голову, падает на землю. Это не просто знаки отчаяния, но акт отрицания себя, своего уменьшения, что отражается в коротких формах Чёрана. Библейская фраза «Остались от меня кожа да кости, я впился зубами в собственное тело» (Иов 19:20) напоминает Чёрану о его собственных страданиях и физической боли. Крик – это восстание против порядка вещей, но также и против самого себя. Писать вопреки себе (как выразился Николая Кавайес о Чёране в своей докторской диссертации) значит не только желать уничтожить «я», но и атаковать его выражение. Речь не может быть многословной, чтобы не казаться самодовольной. Поэтика Чёрана – это поэзия очищения, где стиль сдержан и сокращён. Образ Иова у Чёрана символизирует уход от разума и переход к выражению ощущения или чувства. Это меняет формы выражения и порождает размышления о стиле у Чёрана. Но это не просто бегство в стиль, а попытка найти способ через письмо (которое изначально подозрительно из-за зависимости от языка) выразить чувственный опыт. Стиль существует не ради себя, а чтобы передать свои разума, его трудности. Отказавшись от разума и его инструментов, следуя Иову, Чёран строит мысль через язык, освобождённый от рациональных требований как по форме, так и по содержанию. Знание рождается из интимного опыта, который становится универсальным.

Для Чёрана творчество – это всегда борьба между неспособностью и желанием выразить себя. Он пишет, что ощущает себя почти эпилептиком, но без самой болезни: «У меня есть все, что есть у эпилептика, кроме эпилепсии» (Чёран, 2025, т. I, с. 56), – а эпилептические и истерические крики для него – это возможность, даже желанная, способ избавиться от внутреннего напряжения: «Только хорошая эпилепсия могла бы избавить меня от невыносимого напряжения, в котором я живу» (Цит. по: Chatelet, 2020, р. 334). И даже, более того: «Я был создан для гимнов, для богохульства, для эпилепсии» (Чёран, 2025, т. I, с. 352). Напряжение между состояниями бессилия (усталость, скука, меланхолия) и восторга (крик, гнев) сопровождает Чёрана всю жизнь. Однако если в юности письмо служило для выплеска этих эмоций и криков, то позже оно становится способом сдерживать кризис. Его стиль становится прерывистым, минималистичным, словно удерживающим на грани взрыва: «Полночь. Нервное напряжение на грани судорог. Хочется взорвать все к чертям, и кажется, вот-вот лопнешь сам. Подступает хаос» (Чоран, 2002а, с. 118). Этот страх краха и предчувствие кризиса дают письму смысл и энергию, но теперь крик подавлен. Главенствует чувство головокружения и неопределённости перед надвигающейся бурей: «Неужели я снова смогу встать на ноги? Неужели снова смогу рухнуть? Если ощущение может быть интересным, то это ощущение предвкушения эпилептического припадка» (Сиоран, 2008b, с. 362). Эпилепсия для Чёрана символична, потому что может внезапно наступить и разрушить устойчивость бытия. Способность «стоять на ногах» для него – это способность идти по жизни, участвовать в ней, а неспособность встать – признак капитуляции и отказа. В своих «Силлогизмах горечи» он связывает принятие решений с тем, что затем отменяет их, ложась, символизируя тем самым усталость и отказ: «Я принимаю решение стоя; а потом ложусь – и отменяю его» (Сиоран, 2008а, с. 64). Эпилептический припадок – это внезапный и жестокий разрыв, который одновременно прерывает и вызывает творчество. Писать можно лишь в очень узкий промежуток времени – перед кризисом, потому что сам кризис слишком силён, чтобы его выразить. Чёран не раскрывает полностью свои внутренние крики, признавая, что слишком сильные эмоции могли бы напугать окружающих и самого себя. Таким образом, писатель балансирует между желанием выплеснуть боль и необходимостью её сдерживать, и именно в подавлении криков он находит творческую энергию и свой стиль.

Последняя книга Чёрана – «Исповедь и анафемы» (1987), после которой прогрессирующая болезнь Альцгеймера не дала ему продолжать заниматься литературой. О первых манифестациях этой болезни Чёран начинает подозревать за двадцать лет до этого, так он записывает в дневнике пятнадцатого мая 1967 года: «Я наблюдаю за собой последние несколько лет и замечаю у себя ухудшения памяти, жалкую неспособность сосредоточиться, явные признаки размягчения мозга. Эти артерии, как я их ненавижу!» (Чёран, 2025, т. II, с. 389). А также шестнадцатого октября того же года: «Сегодня после обеда в банке, собираясь заполнить форму для получения чека, я не смог вспомнить номер своего счета. То есть я знал только последние цифры, но не первые. Мне пришлось уйти внезапно, что, наверное, поразило сотрудницу, которая выглядела озадаченной (я даже оглянулся, чтобы посмотреть на нее). Это симптомы той “тупости”, на которую жаловался Бодлер? (“Сегодня я почувствовал себя тупым”.) У меня большие сомнения по поводу будущего моего мозга» (Чёран, 2025, т. II, с. 412).

Необратимо во мглу молчания Чёран погружается в 1993 году. Сначала, в апреле, он упал и сломал бедро (или наоборот), его пришлось оперировать. Он очень плохо себя чувствовал в больнице, потеряв желание жить. Гражданская супруга Симона Буэ его навещает, он повесил голову и смотрит на нее с тупым выражением лица. Отказывается от еды, находится в состоянии сильного волнения, крутится в кресле, ругается на медсестер и санитаров, также он был привязан к кровати за излишнюю буйность. Предчувствуя безумие, он приводит цитату из «Второго письма» Михая Эминеску: «Инструменты сломаны, а маэстро безумен» (Chatelet, 2020, р. 163). Затем в мае его помещают в Больницу Брока – гериатрически-геронтологический центр в Париже на улице имени Паскаля, любимого мыслителя Чёрана. Палата № 244 на втором этаже, на двери его имя, его имя и на книгах, лежащих на столе в комнате, единственных книгах. Он не разучился читать, но время от времени Симона показывает ему их, указывая на имя и говорит, что это его имя, что он написал их. Он наклоняет свою белую гриву и всматривается в имя, пытаясь вспомнить, кто он такой. Его лицо по-прежнему привлекательно, львиный профиль, зеленые глаза, белая грива, но все это поблекло, как на старой фотографии. В июле сильные перепады артериального давления привели его к повторным падениям, последнее было почти смертельным. 21 мая 1995 года у Чёрана случился микроинсульт, он внезапно повалился на одну сторону и рухнул в кресло, его глаза неподвижно смотрели в пустоту. Хрупкое тело с распухшими красными ногами, чешуйчатой белой кожей с коричневыми пятнами, осунувшееся лицо, бледные глаза. Тело на больничной койке, маленькое, беспомощное, скрюченное, как бы вернувшееся в позу эмбриона. Медленная негероическая смерть, которой он боялся больше всего, и дополнительное унижение – потеря рассудка (Chatelet, 2020, р. 174). Хотя его уже нет, в буквальном смысле слова, он не похож на безумца или пустой сосуд, как многие другие пациенты. Даже его слабость впечатляет. Его огромные зеленые глаза, устремленные в потолок, сосредоточенно смотрят в потусторонний мир.

Чёран умер во вторник 20 июня 1995.

Заключение

Крик в поэтике Чёрана является не просто темой, но структурным принципом письма. Он маркирует предел языка, момент его самоотрицания и перехода в область чистого, дологического ощущения. Будучи парадоксальной попыткой выразить невыразимое, крик реализуется через специфические стилистические средства: обрывистый синтаксис, лейтмотивные повторы, экспрессивную пунктуацию, создающие эффект непосредственного голосового высказывания.

Эволюция Чёрана от ранних румынских, более экспрессивных текстов к поздней сдержанности представляет собой путь истощения речи. Крик постепенно подавляется, интериоризируется, уступая место иронии, лаконизму афоризма и, в конечном итоге, тяготению к «нейтральному письму», в котором «я» мыслителя стремится к исчезновению. Этот путь есть движение к молчанию как к идеалу.

Молчание у Чёрана – не пассивное отсутствие слова, но активная позиция и результат аскетической работы по обеднению речи. Оно предстаёт как итог и отрицание крика, как форма бытия, в которой исчерпывается напряжение между необходимостью выразить «я» и недоверием к нему. Молчание становится высшей формой свидетельства об экзистенциальной истине, недоступной дискурсивному мышлению.

Архетип страдающего Иова служит для Чёрана ключевой моделью, соединяющей крик протеста и смирение, вопль к Абсолюту и осознание одиночества. Однако, в отличие от Иова, Чёран лишён уверенности в адресате своего крика, что превращает его в «крик без адресата», обречённый угаснуть в тишине абсурда. Таким образом, поэтика Чёрана – это поэтика предельного выражения, постоянно балансирующего на грани своего собственного уничтожения и находящего в этой грани свою высшую напряжённость и смысл. Перспективы дальнейшего исследования видятся в компаративном анализе поэтики Чёрана и других представителей «литературы молчания» и маргинальной философской прозы XX века (например, Т. Бернхарда, С. Беккета). Кроме того, плодотворным представляется исследование телесных и физиологических метафор в его текстах в контексте современных телесно-ориентированных философских подходов.

Материалы исследования | Research materials

1. Сиоран Э. М. Горькие силлогизмы // Сиоран Э. М. Горькие силлогизмы. М.: Алгоритм; Эксмо, 2008а.
2. Сиоран Э. М. О злополучии появления на свет (фрагменты из произведения) // Сиоран Э. М. Горькие силлогизмы. М.: Алгоритм; Эксмо, 2008б.
3. Сиоран Э. М. О разложении основ // Сиоран Э. М. Испытание существованием. М.: Республика; Палимпсест, 2003.
4. Чёран Э. Чёрный дневник (1957-1972): в 4 т. / пер. с фр. Р. С. Гранин. М.: Тотенбург, 2025. Т. I (1957-1964); Т. II (1965-1967)-
5. Чоран Э. М. Злой Демиург // Чоран Э. М. После конца истории: философская эссеистика / пер. с фр.: Б. Дубина, Н. Мавлевич, А. Старостиной; предисл., биограф. справка Б. Дубина. СПб.: Симпозиум, 2002а.
6. Чоран Э. М. Признания и проклятия: философская эссеистика / пер. с фр. О. Акимовой. СПб.: Симпозиум, 2004.
7. Cioran – Intervista letteraria con Christian Bussy, 1973. 2013. https://www.youtube.com/watch?v=LhR536ao_cg

Источники | References

1. Гранин Р. С. Поэтика Эмиля Чёрана: в 3 т. М.: Тотенбург, 2025. Т. I. Деконструкция [автора].
2. Гранин Р. С. Эмиль Чёран. Приближение к ускользящему философу. М. – СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2024.
3. Мерло-Понти М. Феноменология восприятия. СПб.: Ювента; Наука, 1999.
4. Chatelet L. Cioran, un penseur privé en mal d'écriture. Lyon: Université Jean Moulin (Lyon 3), 2020.
5. Cioran E. M. Avant-propos // Marcel G. Présence et immortalité, (préface). P.: Association Présence de Gabriel Marcel, 2001.
6. Cioran E. M. Cahiers, 1957-1972. P.: Gallimard, 1997.
7. Heuvel P. van den. Parole, mot, silence. Pour une poétique de l'énonciation. P., 1985.
8. Marc A. Écrire le cri: Sade, Bataille, Maïakovski: [essai]. Orléans: L'écarlate, 2000.
9. Rădulescu M. S. Despre genealogia lui Emil Cioran // Genealogii. Bucuresti: Vremea, 2018.

Информация об авторах | Author information

Гранин Роман Сергеевич¹, к. филос. н.

¹ Институт мировой литературы имени А. М. Горького Российской академии наук, г. Москва

Roman Sergeevich Granin¹, PhD

¹ Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow

¹ grrom@mail.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 15.12.2025; опубликовано online (published online): 26.01.2026.

Ключевые слова (keywords): частный мыслитель; письмо-крик; молчание в литературе; архетип Иова; фрагментарное письмо; private thinker; cry-letter; silence in literature; Job archetype; fragmentary letter.